

Государственный
Лермонтовский музей-заповедник
«Тарханы»

ТАРХАНСКИЙ ВЕСТНИК

ВЫПУСК СЕМНАДЦАТЫЙ

**К 190-летию со дня рождения
М. Ю. Лермонтова**

**«ТАЙНЫЙ» ЦИКЛ «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ»
В ЛИРИКЕ ЛЕРМОНТОВА**

Памяти Вадима Эразмовича Вацууро

Творческая связь *Лермонтов — Шенье* привлекала внимание ученых с конца XIX в.¹, однако специальных работ, посвященных лермонтовскому *циклу «Андрей Шенье»*, нет, преобладают отдельные ценные, но разрозненные замечания о незавершенном замысле поэта. Они чаще всего даются в примечаниях к лермонтовским стихотворениям, сопоставляемым с именем Шенье.

Понятие «цикла» в лирике связано с определенными структурирующими параметрами, иногда с формальными (строфика, ритмика), чаще — с семантическими (посвящение, эпитафия), но главный признак — *тематически-мотивное* единство. Обычно сам автор по своему усмотрению объединяет стихи в единый комплекс, однако они могут тяготеть к такому объединению и сами по себе. Лермонтовские стихотворения, связанные с именем Андрея Шенье, формальным единством не обладают, их родство определено авторским лирическим «Я» и спецификой восприятия русским поэтом судьбы и творчества Шенье. Лермонтов это родство не только не маркирует, но, как можно предположить, осознанно камуфлирует: имя Шенье прямо названо лишь в первой пьесе цикла.

«Русский Шенье» — фигура мифологическая. Сложный комплекс причин, политических (ситуация в постдекабристской России, отношение к французской революции, процесс над Пушкиным в связи с элегией «Андрей Шенье»), эстетических (оригинальная интерпретация образа «байронического» элегика-бунтаря), эмоциональных (потрясение картиной казни Шенье, описанной А. де Латушем в предисловии к первому изданию его стихов (1819)², — все это придало французу в России особую значимость, подняло его имя до мифа. Можно предположить, что ощущение опасности, связанное с упоминанием имени Шенье, энтузиастически принявшим первый этап революции, Лермонтову не было чуждо и по мере усиления его решительных действий (эпитафия «Смерть поэта», дуэль с Э. Барантом) оно лишь возрастало. Лирический цикл «Андрей Шенье» предстает как «тайный» в двух смыслах: с точки зрения его создателя (осознанно «засекреченный») и с точки зрения исследователя: цикл во многом загадочен и связан с категориями гипотезы

(достаточно заметить: ни одно стихотворение цикла не имеет точной датировки).

Завесу «тайны» цикла исследователи приоткрывали в течение десятилетий. Своеобразное «прозрение» о скрытом имени Шенье впервые осенило И. М. Болдакова во время подготовки комментария к издаваемому им двухтомнику стихотворений поэта (1891). В примечаниях к пьесе «Не смейся над моей пророческой тоскою...» он задал неожиданный (для комментатора) вопрос: «Не хотел ли Лермонтов, подобно Пушкину, в рассматриваемом стихотворении почтить память Андрея Шенье?»³. Думается, ученого навели на след строки: «Я знал, что голова, любимая тобою, С твоей груди на плаху перейдет». Маркированы слова «голова» и «плаха», вырисовывается образ гильотины. Болдаков работал с черновой рукописью в Чертковской библиотеке, на втором полулистке нашел слова «Великий муж! здесь нет награды...» и решил (ошибка!), что это — продолжение упомянутого стихотворения. Пьеса «Из Андрея Шенье» была уже известна. Таким образом, пусть зыбко, впервые начала вырисовываться гипотеза о каком-то загадочном обширном замысле Лермонтова, посвященном Андрею Шенье.

Следующую попытку подступа к проблеме сделал в 1935 г. Б. М. Эйхенбаум в комментариях к стихотворению «Когда твой друг с пророческой тоскою...». Он в качестве лирического субъекта этой пьесы также назвал имя Шенье⁴ (думается, и для него ориентиром стали те же две строки). Позже, в 1985 г., Э. Г. Герштейн в связи с проблемой датировки стихотворения «Не смейся над моей пророческой тоскою...» прокомментировала наблюдения ученого: «Последняя гипотеза (О связи с Шенье — Л. В.) не нашла своего развития, и, кажется, если судить по дальнейшим работам Б. М. Эйхенбаума о лирике Лермонтова, он от нее отказался...»⁵. «Разгадывание» цикла идет с отступлениями. Почему ученый отказался — остается вопросом. Возможно, объяснение надо искать во «внелитературных» связях. Восхищение якобинцами в советское время было безмерным, говорить о них следовало в высоких тонах. А имя Шенье влекло интерес к книге Латуша, где создан обаятельный образ великодушного и смелого поэта (он не побоялся написать текст последнего обращения к народу Людовика XVI); доминирующая интонация там — проклятие якобинцам.

Существенный поворот в изучение проблемы внес в 1991 г. В. Э. Вацуру в статье «Лермонтов и Андре Шенье (К интерпретации одного стихотворения)». Снова вопрос о цикле оказался связанным с анализом конкретной пьесы, в данном случае с «К*** (О,

полно извинять разврат...)». Ретроспективно «просветив» прожектором набирающей силу гипотезы структуру стихотворения, введя новый обширный материал, сопоставление с оригинальными текстами А. Шенье, включив аппарат изысканного стилистического анализа и, главное, — ассоциации — с элегиями «Андрей Шенье» Пушкина и «Из Андрея Шенье» Лермонтова, В. Э. Вацуру предложил смелое новаторское решение: он выдвинул на роль *лирического адресата* пьесы — *Андрея Шенье* (ранее назывались имена Пушкина, Полежаева, Мицкевича). Таким образом, к трем стихотворениям присоединилось четвертое (плюс упоминаемая исследователями строфа о Шенье в поэме «Сашка» и пять строк из «Смерти поэта»), и хотя В. Э. Вацуру в введении к статье предпочитает говорить о «группе стихов»⁶, его работа дает основание ввести в научный обиход номинацию «тайный цикл».

Корпус цикла включает:

1) «Из Андрея Шенье» (1830 — 1831); первая публикация в 1889 г.
2) «К*** (О, полно извинять разврат...)» (1830 — 1831); первая публикация в 1889 г.

3) «Когда твой друг с пророческой тоскою...» (дата не установлена, предположительно: 1830 — 1832; первая публикация в 1911 г.)

4) Строки «Как тот поэт, неведомый, но милый...» из «Смерти поэта».

5) «Не смейся над моей пророческой тоскою...» (1837); первая публикация в 1846 г.

6) VXXVIII строфа поэмы «Сашка» (1839); первая публикация в 1914 г.

Рассмотрим с интересующей нас точки зрения этот поэтический материал. В самом общем виде речь идет о специфике усвоения Лермонтовым французской традиции и сопоставлении с пушкинской рецепцией Андрея Шенье⁷. Пушкин — главный *Учитель* Лермонтова, однако эта творческая связь включает не только притяжение, но и отталкивание. Лермонтов стремится прокладывать *новые* пути, как бы идти *по следам*, но делать все *по-своему*. В подобной амбивалентности, разумеется, не только элемент отрефлексированности, но и спонтанности: разные творческие индивидуальности, разное видение мира, разные эпохи. Восприятие Лермонтовым французских писателей во многом отлично от пушкинского: он оценивает по-иному Беранже, Бальзака, Гюго, Виньи и др. Однако его рецепция Андрея Шенье — точка *наивысшего сближения* с Пушкиным. Кроме всего прочего, авторская стратегия в «тайном» цикле наследует «игровые» формы усвоения французской литера-

туры Пушкиным. Она — в особой амбивалентности, двойственности, загадочности. Шенье — иногда лирический субъект, иногда — объект, иногда — собеседник. Читателю часто предлагается решить — в центре авторское Я или Я Андрея Шенье, всегда своеобразного *alter ego* Лермонтова.

«Из Андрея Шенье»

В первом стихотворении цикла, в отличие от последующих, имя Шенье не только открыто названо, но пьеса и отчетливо перекликается с предсмертными стихами французского поэта (мотивы ожидания казни, клеветы, верности любимой женщине). Однако это не перевод, а «... оригинальное стихотворение, в котором Лермонтов, истолковывая судьбу Шенье, выразил собственное умонастроение, владевшее им провиденциальное ощущение ранней гибели»⁸. Хотя единственное прямое свидетельство знакомства Лермонтова с текстами Шенье относится к позднему периоду⁹, он их хорошо знает уже с юности (установлены вербальные переклички его ранних стихов с текстами француза¹⁰). Для лермонтовского стихотворения немалое значение имело также восприятие Шенье Пушкиным. Само название стихотворения несет память об элегии «Андрей Шенье» (1825), в поэтике пьес много общего (соединение общественной и элегической линий, мотивы казни, любви, несбывшихся надежд). Существенно и то, что в памяти современников в 1830 г. еще свеж был зловеющий политический процесс над Пушкиным в связи с распространением отрывка из элегии с надписью «На 14-ое декабря».

Конструктивно сопоставление первой пьесы цикла с другим юношеским стихотворением, написанным на тюремную тему — «Веселый час», 1829. При всем различии пьес, в них обеих заметно воздействие пушкинской элегии: оно в наличии «игрового» момента и в изображении лирического героя «изнутри». «Веселый час»¹¹ — отклик на судебный процесс над Беранже 1828 года. Созданное по мотивам песен Беранже и в духе его поэтики, стихотворение снабжено «игровым» подзаголовком: «Стихи, найденные во Франции на стенах одной государственной темницы». Пушкин, как известно, относился к французскому песеннику негативно («...несносный Беранже ... слагатель натянутых и манерных песенок»¹²). В отличие от него, Лермонтов — горячий поклонник Беранже, ему близок миф о веселом шансонье, не унывающем и в сырой камере, в «Веселом часе» он воздает поэтическую хвалу его озорной стойкости:

В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удается!

(I, 371)

«Из Андрея Шенье» также содержит легкий розыгрыш читателя (у Шенье такого стихотворения нет). Но это — принципиально иная «*провиденциальная лирика*», трагическая и философская одновременно:

За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец.
.....
Хоть много причинил я обществу вреда,
Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я все тебя любил и все любил так нежно.

(I, 313)

Можно предположить, что Лермонтов и сам воспринимал поэзию Шенье как себе близкую, а его трагическую участь, как один из вариантов собственной судьбы: уже в первом стихотворении цикла авторская стратегия рассчитана на слияние образа француза с лирическим «Я» поэта. Однако пушкинская элегия, впервые поэтически воссоздавшая «Русского Шенье», подсказала тот строй поэтики (идейный ряд, интонация, стиль), который в дальнейшем будет использоваться Лермонтовым в стихах «тайного» цикла.

«К*** (О, полно извинять разврат!..)»

Это стихотворение (единственное в цикле, о котором есть специальная работа), как отмечалось выше, глубоко и тонко описано В. Э. Вацууро, сумевшим установить вербальные и семантические переклички с текстами Шенье. Сложной задачей для ученого было опровержение гипотезы о Пушкине, как о лирическом адресате пье-

сы. В. Э. Вацуро неожиданно для лермонтоведов выдвинул на эту роль *Андрея Шенье*:

.....
Но ты остановись, певец,
Златой венец, не твой венец.

.....
Изгнанием из страны родной
Хвались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.

.....
Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни...

.....
(I, 271)

Убедительно аргументируя свое предположение, В. Э. Вацуро демонстрирует высокий образец работы со сложным аппаратом гипотезы (включая метаописание приема) и на материале сложнейших поэтических ассоциаций делает немаловажное для понимания структуры этой пьесы «открытие». Его гипотеза представляется мотивированной и подтвержденной.

«К*** (Когда твой друг с пророческой тоскою...)»

В этой пьесе лирический адресат также близок Андрею Шенье. Здесь снова возникает структурно важный для Лермонтова образ «пророческой тоски», провиденциального угадывания неизбежного трагического конца. В отличие от элегии Пушкина, где есть фатальная ясность (герой знает: казнь — «завтра»), у Лермонтова тоска неопределенности, «забегания» вперед и вместе с тем как бы взгляда из «потустороннего мира»:

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет.

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд...

.....
И он погиб во цвете лучших дней...

(II, 217)

Этим стихотворением завершается первый этап создания Лермонтовым цикла «Андрей Шенье». Именно об этом этапе писал В. Э. Вацуро, заканчивая вышеупомянутую статью о пьесе «К***» принципиально важным сопоставлением с Байроном: «Реальное историческое лицо и вместе с тем художественный образ, Андре Шенье занял в творчестве *раннего* Лермонтова (Курсив наш — Л. В.) место совершенно особое — сразу вслед за образом Байрона, если не рядом с ним»¹³. Замечание проницательное и в высшей степени справедливое, но все же, на наш взгляд, не совсем точное. Шенье занял «особое место» не только в *ранний* период творчества Лермонтова, но и в *поздний*, когда после трагической гибели Пушкина упоминание в стихах имени француза стало еще более рискованным.

Известно, что исследователь, изучающий творчество Лермонтова, вообще весьма часто оказывается в *Царстве Гипотезы*. Столько неясностей, неопределенности, белых пятен, сколько есть в биографии и творчестве Лермонтова, пожалуй, нет ни у кого из великих русских писателей XIX в. Тот же Вацуро в магистральной статье «Лермонтоведение» в «Лермонтовской энциклопедии» пишет: «Недостаточность, лакунарность и противоречивость источников все еще затрудняет создание научной биографии Лермонтова на современном уровне...»¹⁴. Ученый подчеркивает гипотетичность многих датировок; среди них и относящиеся к изучаемому нами *позднему* этапу «тайного» цикла пьесы «Не смейся над моей пророческой тоскою...» и поэма «Сашка». В. Э. Вацуро подчеркивает: «Существенной для уточнения вопроса об эволюции Лермонтова остается датировка ряда стихотворений. <...> *Не до конца решенными* (Курсив наш — Л. В.) остаются вопросы датировки «Сашки» и отдельных поздних стихотворений»¹⁵.

Для нашей темы проблема датировки «Сашки» и пьесы «Не смейся над моей пророческой тоскою...» приобретает кардинально важное значение. Наиболее убедительными нам представляются датировки, предложенные в 1935 г. Б. М. Эйхенбаумом и принятые Б. В. Томашевским и Л. Я. Гинзбург, автором лучшей, на наш взгляд, работы о поэме «Сашка» (глава в книге «Творческий путь Лермонтова»). Именно эти датировки по сей день закономерны, на наш взгляд,

представлены в главных изданиях Лермонтова. Сложность вопроса в том, что в «Лермонтовской энциклопедии» авторы статей об этих произведениях (Э. Э. Найдич и Э. Г. Герштейн) выдвинули другие даты.

Наша концепция *позднего* периода цикла «Андрей Шенье» во многом определена поворотным моментом в творческой биографии Лермонтова: горем утраты *Учителя* и созданием стихотворения «Смерть поэта». В сознании его творца гибель Пушкина, видимо, ретроспективно подсветила новым светом весь комплекс «Русского Шенье»: историческую личность, судьбу Шенье, его литературный образ. Как можно предположить, по-новому зазвучали для Лермонтова и собственные пьесы «тайного» цикла, теперь они прочитывались в ином ключе; видимо, сам Лермонтов заново ощутил их провиденциальный смысл (не случайно столь органично «влились» стилистические находки ранних пьес в текст «Смерти поэта») ¹⁶.

Можно предположить, что после трагической гибели Пушкина его элегия «Андрей Шенье» приобрела для Лермонтова новое звучание. Сквозь строки потрясшего Россию стихотворения «Смерть поэта» «прочитываются» стихи *плача* Пушкина по казненному на гильотине тридцатидвухлетнему Шенье. Композиционная структура «Смерти поэта», интонация, контрастное звучание двух голосов, элегического и гражданского, как бы «накладываются» на пушкинскую элегию. Примечательно, что связь с пушкинской элегией заметна не только на идейном и композиционных уровнях, но и на уровне структуры образа. Речь идет о загадочных пяти строках:

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.
(II, 85)

Кого имеет в виду Лермонтов? Л. Я. Гинзбург в 1930 г. выдвинула гипотезу: *Андрея Шенье*, а вовсе не Ленского ¹⁷. Исследовательница восстанавливает картину популярности Шенье в то время, проводит лингвистический анализ (включая словари эпохи), семантический (кто значительней — реальный поэт трагической судьбы или выдуманный герой? Почему было не назвать прямо имя Ленского? И разве рука Онегина была «безжалостной»?); К ее наблюдениям добавим два своих, касательно слов «добыча ревности глу-

хой» и эпитета «неведомый»: 1) *Ревность* — лейтмотив любовной элегии Шенье; Пушкин, передавая авторефлексию героя кануна казни, особо маркировал это чувство («И что ж оставляю я? Забытые следы *Безумной ревности...*») (Курсив наш — Л. В.); 2) Имя Шенье в то время часто сопровождалось эпитетом «неведомый»: до 1819 г. поэта почти не знали. Пушкин в элегии маркирует и это: «Звучит *незнаемая лира...*» (Курсив наш — Л. В.). Однако общий вывод Л. Я. Гинзбург, на наш взгляд, слишком прямолинеен и категоричен. Пять строк — плод авторской «игровой» стратегии, они заключают возможность двойного решения. В лермонтовское время большая часть читателей делала выбор — *Шенье*, в наше — *Ленский*.

«Не смейся над моей пророческой тоскою...»

Когда было создано это стихотворение? От ответа зависит понимание его сути: *до* или *после* гибели Пушкина? П. А. Висковатый считал, что стихотворение «хранит в себе намек на постигшую поэта катастрофу вслед за смертью Пушкина» ¹⁸. Эта версия принята во всех изданиях, с нею согласился Б. М. Эйхенбаум: стихотворение датируют 1837 г. Однако в статье об этой пьесе в «Лермонтовской энциклопедии» Э. Г. Герштейн в датировке проявляет некоторую непоследовательность; такое впечатление, что исследовательница сама колеблется в выборе даты. Поначалу Э. Г. Герштейн выдвигает аргумент в духе Висковатого в пользу 1837 г.: «Оно ... отличается живой разговорной интонацией <...>, что заставляет искать *реальные события, повлиявшие на создание стихотворения*» (Курсив наш — Л. В.) ¹⁹. Но в конце статьи автор утверждает обратное: «... Близкая стилистическая связь стихотворения с ранней лирикой Лермонтова не позволяет жестко прикреплять стихотворение к какой-либо конкретной жизненной ситуации, например, к аресту 1837 г.». Герштейн пересматривает датировку и выдвигает другую: 1835 — 1836 гг., в более поздней работе она эту гипотезу пытается обосновать ²⁰. Ее главный аргумент — связь стихотворения с ранней лирикой — вряд ли убедителен. Как известно, многие темы, мотивы, образы, намеченные в юности, повторяются и развиваются в зрелом творчестве Лермонтова. В новых жизненных ситуациях они как бы получают второе дыхание, обретают новую жизнь. Нельзя не согласиться с Э. Г. Герштейн в том, что анализируемое стихотворение связано с ранними пьесами Лермонтова, но одно другому не противоречит, в этом специфика автобиографизма «тайного» цикла.

Нам представляется, что стихотворение «Не смейся над моей пророческой тоскою...» было вызвано к жизни реальными фактами лермонтовской биографии, конкретно, событиями 1837 г., если еще конкретнее — минутой *отчаяния*. Как известно, грубый шантаж вынудил поэта назвать имя распространителя 16 последних строк «Смерти поэта» — С. А. Раевского. Лермонтов писал 27 февраля 1837 г. с гауптвахты арестованному другу: «Ты не можешь вообразить моего *отчаяния* (Курсив наш — Л. В.), когда я узнал, что я виной твоего несчастья, что ты, желая мне же добра, за эту записку страдаешь. <...> Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя, сказали, что тебе ничего не будет, и что если я запрусь, то меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог, я тебя принес в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать...» (IV, 437). Может быть, именно в этот момент, когда тяжелые переживания усугублялись чувством вины, а неизбежно торжество злоязычия не вызывало сомнения, родились эти строки:

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; настанет час кровавый,
И я паду, и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений.
(II, 96)

Описывая стиль стихотворения, сравнивая его с ранними пьесами, важно учитывать существенное обстоятельство: *прямое слово* в этот момент было исключено, поэтому стилевой поэтический арсенал первого этапа создания «тайного» цикла оказался востребованным.

Поэма «Сашка»

Исследователи неоднократно отмечали преемственную связь изображения французской революции в «Сашке» с картиной, нарисованной Пушкиным в «Андрее Шенье». Строки «И кровь с тех пор рекою потекла, И загремела жадная секира» (IV, 71), данные Лермонтовым в ключе пушкинской элегии, сублимировали, на наш

взгляд, целую цепь ассоциаций (террор властей, французских и русских, сходство судеб Шенье и Пушкина, обреченность их на гибель), а после пушкинской дуэли к этим параллелям подключалась и аллюзия на собственное стихотворение «Смерть поэта». Возможно, весь этот клубок ассоциаций, а также известия о недавней смерти А. И. Полежаева и А. И. Одоевского подтолкнули Лермонтова к завершению в 1839 г. поэмы «Сашка». Пронзительная интонация обращения Лермонтова в «Смерти поэта» к убитому на дуэли Пушкину как бы повторялась в «Сашке», но уже в адрес Андрея Шенье:

И ты, поэт, высокого чела
Не уберет! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считал своей душою —
Слова, мечты с надеждой и тоскою...
Напрасно!.. Ты прошел кровавый путь,
Не отомстив, и творческую грудь
Ни стих язвительный, ни смех холодный
Не посетил — и ты погиб бесплодно...
(IV, 71. Выделено мной — Л. В.)

Эта строфа комментировалась многими лермонтоведами; отмечались переключки с пушкинской элегией, проекция казни Шенье на собственную судьбу, важность мотива гибели незавершенных замыслов. Но один нюанс остался, как нам представляется, незамеченным. Возможно, в момент создания этих строк в сознании Лермонтова судьба Шенье начала ассоциироваться не только с трагической участью Пушкина, но и с мезью за него. Выраженное эзоповым языком затаенное торжество, что он, автор поэмы «Сашка» в стихотворении «Смерть поэта» «язвительным стихом», «холодным смехом» сумел отомстить за гибель любимого поэта, как нам кажется, ощущается в подтексте²¹.

Такое мнение, однако, возможно лишь при датировке, предложенной, как уже отмечалось, в 1935 г. Б. М. Эйхенбаумом (поддержанной Б. В. Томашевским и Л. Я. Гинзбург²²), — 1839 год. Однако автор статьи «Сашка» в «Лермонтовской энциклопедии» Э. Э. Найдич пересмотрел эту дату и предложил другую — 1835 — 1836 гг. Аргументы Эйхенбаума весьма доказательны (даю рядом контраргументы Найдича): 1) Упоминание в строфе XXXI о капризах погоды: «...Неаполь мерзнет, а Нева не тает». Эйхенбаум приводит сведения из «Таблицы вскрытия Невы»: в 1836 г. было раннее вскры-

тие (3 апреля), а в 1839 г. — позднее (2 мая); Найдич обходит молчанием этот весомый фактологический аргумент. Зато он подчеркивает значимость чернового автографа поэмы «Сашка» в юнкерской тетради «Лекции по химии», относящегося, по-видимому, к 1834 г. Эйхенбаум об этой тетради пишет: «Ни характер автографа (карандашная запись, впоследствии обведенная чернилами), ни нахождение его в «юнкерской» тетради не вызывают никаких соображений относительно датировки поэмы. Первые листы этой учебной тетради заполнены не Лермонтовым; вероятнее всего, что он записывал свои стихотворения на оставшихся чистых листах — спустя много лет после выхода из Школы гвардейских подпрапорщиков...»²³. Найдич и этот довод обходит молчанием. Наконец, самый главный аргумент Эйхенбаума, который представляется неопровержимым: упоминание в строфе XXXIII о смерти А. И. Полежаева (1804 — 1838) и упоминание в строфе CXXXVIII о смерти А. И. Одоевского (1802 — 1839). В стихах о Полежаеве название поэмы дано в кавычках: «... Сашка» — старое название! Но «Сашка» тот печати не видал И недозревший он угас в изгнание». Найдич утверждает, что эти слова относятся не к автору поэмы «Сашка» Полежаеву, а к Сашке, выдуманному герою, вообще не причастному к поэзии. Еще труднее поверить, что строфа CXXXVIII посвящена не князю А. И. Одоевскому (поэт, друг Лермонтова, декабрист, после 7 лет каторги был отправлен солдатом на Кавказ, где умер от малярии в 1839 г.), а герою поэмы, тому же Сашке:

И мир твоим костям! Они сгнуты,
 Покрытые одеждою военной...
 И сумрачен и тесен твой приют,
 И ты забыт, как часовой бессменный.

.....
 Ответствуй мне, певец,
 Куда умчался ты? ... Какой венец
 На голове твоей? И все ль, как прежде,
 Ты любишь нас и веруешь надежде?

(II, 139. Выделено мной — Л. В.).

Слово «надежда» здесь — узловое. Оно звучит и в написанном Лермонтовым в это же время стихотворении «Памяти А. И. Одоевского» (1839): «Он был рожден для них, для тех надежд (Курсив наш — Л. В.), Поэзии и счастья...», «Он сохранил... И веру гордую в людей, и жизнь иную». Ответный аргумент Найдича также не выдерживает критики. Он приводит строки «...Сердце, жившее так

много И так недолго...», «...Земля до молодых объятий Охотница...» и утверждает, что они подходят лишь «к юноше». «Юношей» Одоевский не был, но сердце его жило, действительно «недолго», 36 лет. В той же поэме «Сашка» Лермонтов рисует картину казни на гильотине Марии Антуанетты: «Вот кудри золотые Посыпались на плечи *молодые* (IV, 71)». (Курсив наш — Л. В.). Ей было 38 лет.

Лермонтов в «Сашке» в 1839 г. пожелал отдать дань благодарной памяти двум только что умершим (фактически, *замученным*) русским поэтам, а это требовало известной смелости (он, естественно, не рассчитывал увидеть свою поэму напечатанной, но надежда на лучшие времена в сознании всегда остается). Датировать поэму 1836 годом означает нарушить его волю и зачеркнуть высокий порыв. Нам представляется, что горестные судьбы Полежаева и Одоевского подсветили новым светом и казнь Шенье, и гибель Пушкина.

Стихи последнего периода «тайного» цикла исполнены особого трагизма. Провиденциальное предчувствие смерти, столь характерное для раннего периода, приобретает в нем общечеловеческое значение универсальной коллизии — *Власть и Поэт*. Поэт обречен. Своеобразный итог раздумий Лермонтова — знаменитая строка его «плача» по А. И. Одоевскому: «И свет не пощадил — и бог не спас!». Сквозь стихи «тайного» цикла прочитываются новые аллюзии и параллели. «Высокого чела не уберег»... не только Андрей Шенье, но и Пушкин, и Полежаев, и Одоевский... И сам Лермонтов, осененный «пророческой тоскою», предчувствующий скорую гибель.

¹ Веселовский Ю. Пушкин и Шенье // Пушкин [собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 3. СПб, 1899. С. 581 — 584; Нейман Б. В. Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. 1914; Гинзбург Л. Я. К анализу стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» // Slavia, 1930, ro. 9, seš. 1. С. 85 — 102 (в дальнейшем: Гинзбург Л. Я.); Вацуро В. Э. Лермонтов и Андре Шенье (К интерпретации одного стихотворения) // Михаил Лермонтов. 1814 — 1889. Норвичские симпозиумы. Т. III. Нортфилд. 1992. С. 117 — 130 (в дальнейшем: Вацуро В. Э.).

² Latouche A. La Vie et la Poésie d'André Chénier // Paris. 1919.

³ Лермонтов М. Ю. Соч. /Под ред. И. М. Болдакова. М., 1891. Т. 2. С. 394 — 395.

⁴ Лермонтов М. Ю. Стихотворения /Вступит. статья, ред., коммент. Б. М. Эйхенбаума. Л., 1940. Т. 1. С. 320.

⁵ Герштейн Э. Г. Об одном лирическом цикле Лермонтова // Лермонтовский сборник. М., 1985. С. 137.

⁶ Вацуро В. Э. С. 119.

⁷ См.: Вольперт Л. И. Французская литература // Лермонтовская энциклопедия. М. 1981. С. 599 — 600. Там и литература.

⁸ Вольперт Л. И. «Андре Шенье» // ЛЭ. С. 624.

⁹ Шан-Гирей вспоминал, что во время посещения Лермонтова в Ордо-нансгаузе в 1840 г. они вместе читали А. Шенье. См.: Лермонтов в воспо-минаниях современников. М., 1972. В дальнейшем: Шан-Гирей.

¹⁰ Вацуро. С. 120, 121, 128. См. также: Вацуро В. Э., Мильчина В. А. Французская элегия XVIII — XIX веков в переводах поэтов пушкинской эпохи. М., 1989. С. 635 — 636; Гречаная Е. П. Пушкин и А. Шенье (две заметки к теме) // Временник пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С. 101 — 108.

¹¹ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т., М.; Л. 1955. Т. 1. С. 32. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страни-цы.

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937 — 1939. Т. XI. С. 219.

¹³ Вацуро. С. 129.

¹⁴ Вацуро В. Э. Лермонтоведение // ЛЭ. С. 249. См. также: Вольперт Л. И. Гипотеза как инструмент исследования в лермонтоведении // Электронное издание. Русско-французские литературные связи конца XVIII — первой половины XIX в. Лермонтов и французская литература. <http://www.ruthenia.ru/volpert/intro.htm> В дальнейшем: Вольперт Л. И. Лермон-тов и французская литература.

¹⁵ Вацуро В. Э. // ЛЭ. С. 248.

¹⁶ См.: Эйхенбаум Б. М. Примечания к стихотворению «Смерть поэта» // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. II М.; Л. 1936. С. 180.

¹⁷ Гинзбург Л. Я. С. 86.

¹⁸ Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891 [собр. соч. под ред. П. А. Висковатого]. Т. 1. С. 370.

¹⁹ Герштейн Э. Г. «Не смейся над моей пророческой тоскою...» // ЛЭ. С. 337.

²⁰ Герштейн Э. Г. Об одном лирическом цикле Лермонтова // Лермон-товский сборник. Л. 1985. С. 132 — 137.

²¹ Эти строки перекликаются с надписью на чарке, гипотетическом подарке Лермонтова С. А. Раевскому: «Я здесь за то, что Написал на смерть Любимого поэта. Я торжествую и горд душой». Описание подарка впер-вые было сделано А. Щитковым в заметке «Привет Лермонтова» («Воен-но-исторический вестник». Париж, 1964. № 24. С. 25), поместившим фото чарки, хранившейся, по его словам, в частной коллекции М. А. Джаншиев-ва. Об этом см.: Безбережьев С. В. Кавказская чарка (Еще одна лермонтов-ская реликвия?) // Вышгород. Таллинн, 2003. № 3, С. 69 — 73. См. также: Вольперт Л. И. «...Я торжествую и горд душой» // Вышгород. Таллинн, 2003. № 6. С. 72 — 74. См. также: Вольперт Л. И. Лермонтов и французс-кая литература. Электронное издание.

²² См.: Примечания Б. М. Эйхенбаума к поэме «Сашка» // Лермон-тов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. М.; Л. Т. 3, 1935. С. 602 (в дальнейшем: Эйхенбаум Б. М.). См. также: примечания Б. В. Томашевского к поэме «Сашка» // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л. Т. 4. 1955. С. 400. Примечание Л. Я. Гинзбург в кн.: Гинзбург Л. Творческий путь Лермонто-ва. Л., 1940. С. 128.

²³ Эйхенбаум Б. М. С. 602.